

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

С.В. Корнакова

(доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Байкальского государственного университета экономики и права, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск; Svetlana-kornakova@yandex.ru)

А.В. Чубыкин

(заместитель прокурора г. Санкт-Петербурга, государственный советник юстиции 3 класса; vstr04@yandex.ru)

В статье на основе анализа положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации рассматриваются проблемы уголовно-процессуальных отношений прокурора со следователем и руководителем следственного органа на стадии возбуждения уголовного дела. В работе приводится авторское видение обстоятельств, обуславливающих низкую эффективность процессуального взаимодействия между указанными властными субъектами уголовного судопроизводства, в свете последних изменений уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, полномочия прокурора, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, стадия возбуждения уголовного дела.

В связи с изменениями уголовно-процессуального закона, связанными с происходящей реформой уголовного судопроизводства, в последние годы существенно изменились полномочия прокурора, руководителя следственного органа и следователя. В частности, подверглись существенному законодательному реформированию правовые нормы, регулирующие процессуальную деятельность участников уголовного процесса на стадии возбуждения уголовного дела, где правовые отношения органов предварительного расследования и прокурора имеют особую значимость.

Так, Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ законодатель лишил прокурора ряда важных полномочий, служивших гарантом соблюдения законности и позволявших прокурору своевременно реагировать на ее нарушения в ходе досудебного производства, и передал их руководителю следственного органа. Часть изъятых у прокурора властных полномочий позднее была восстановлена Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ, что расценивается учеными как положительное, но недостаточное решение законодателя. Указанные преобразования до сих пор неоднозначно воспринимаются, оцениваются и толкуются юристами, а проблема,

касающаяся осуществления процессуального контроля руководителем следственного органа в условиях сокращения надзорных полномочий прокурора и организации межведомственного взаимодействия между ними, является одной из наиболее обсуждаемых.

Некоторые ученые отмечают, что в целом происходящие изменения «позитивны, так как в их основе – разделение функций следствия и надзора, создавшее прокурору условия объективно, то есть независимо и беспристрастно, оценивать законность в поднадзорных ему следственных органах» [1, с. 41]. Тем не менее, несмотря на то, что сама идея создания условий для процессуальной и административной независимости предварительного следствия от прокурора и активизации его надзорной деятельности должна приветствоваться, сокращение полномочий прокурора по надзору и процессуальному руководству при производстве предварительного следствия не повлекло адекватного расширения процессуальной самостоятельности следователя, поскольку не изменился перечень процессуальных действий, на совершение которых ранее требовалось согласие прокурора, в настоящее время – согласие руководителя следственного органа. Таким

образом, по мнению ученых, было достигнуто не повышение процессуальной самостоятельности следователя, а организационное упрощение согласования принимаемых следователем решений [2, с. 14]. В то же время остались неразрешенными вопросы, касающиеся сути, форм и содержания взаимодействия между руководителем следственного органа и прокурором. При этом, прежде всего, требует ясности вопрос разграничения процессуальных компетенций прокурора и руководителя следственного органа, реализующихся в их правовых отношениях.

Как верно указывает А. Кругликов, отдельные положения УПК РФ сформулированы таким образом, что вполне позволяют сделать вывод о том, что в определенных случаях не прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, а наоборот, следователь и руководитель следственного органа проверяют законность и обоснованность действий и решений прокурора [3, с. 28].

Так, право отмены незаконных решений органов предварительного расследования, имеющее юстиционную природу и на протяжении длительного времени являвшееся сугубо надзорным полномочием прокурора, передано руководителю следственного органа, что привело к фактическому уравниванию в правах прокурора и руководителя следственного органа. Если согласно п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ (в ред. 2001 г.) начальник следственного отдела имел право отменять лишь необоснованное постановление следователя о приостановлении предварительного следствия, то теперь такое полномочие распространяется на любое процессуальное решение следователя (п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Таким образом, как справедливо отмечается учеными, совмещение процессуальных функций – осуществление уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, за которое до сих пор активно критиковали прокурора, законодатель фактически воспроизвел в отношении

функций руководителя следственного органа [4, с. 51].

Поскольку полномочия по отмене незаконных или необоснованных постановлений следователя по своей сути носят надзорный характер, постольку они выходят за пределы процессуального руководства подчиненными, которыми может быть наделен руководитель следственного органа. Кроме этого, как указывает А.П. Кругликов, в Концепции судебной реформы предписывается: «Недопустимы, по крайней мере, нижеследующие решения: процессуальное подчинение следователя административным начальникам, наделение последних процессуальными полномочиями, правом контролировать ход и результаты расследования, пересматривать постановления следователя». Но изменения УПК РФ, внесенные Федеральным законом от 5 июня 2007 г., прямо противоположны названным положениям Концепции: в соответствии с новой редакцией ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа обладает многими процессуальными полномочиями, влияющими на ход и результаты процессуальной деятельности следователя, в том числе и полномочиями, переданными ему этим же законом от прокурора [5, с. 15].

Справедливости ради следует отметить, что достоинством ведомственного контроля на стадии возбуждения уголовного дела является его непосредственная близость к объекту контрольной деятельности, что обеспечивает возможность непрерывного наблюдения за исполнением установленного законом порядка ее осуществления, оперативного реагирования на имеющие место упущения и нарушения. Но ведомственный контроль не способен заменить осуществляемый от имени государства, независимый от ведомственных влияний прокурорский надзор, направленный на обеспечение законности досудебного производства по уголовным делам. Как верно отмечает С.Г. Буянский, любой государственный орган, лишенный внешних профессиональных оппонентов и внешнего контроля, склонен к перерождению путем противопоставления своих

ведомственных, клановых интересов интересам общественным. Эти обстоятельства следует учитывать, определяя правовые основы таких органов и их взаимодействия [6, с. 25].

Новая редакция ч. 2 ст. 37 УПК РФ, регламентирующая полномочия прокурора, вряд ли позволяет решать все принципиально важные вопросы обеспечения законности. Так, в п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ закреплено полномочие прокурора требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных лишь в ходе дознания и предварительного следствия. Тем самым данное требование не распространяется на стадию возбуждения уголовного дела, поскольку, как известно, лишь решение о возбуждении уголовного дела открывает сам процесс предварительного расследования. Наивно полагать, что, только начав предварительное расследование, уполномоченный субъект может нарушить федеральное законодательство. Такое положение является упущением законодателя, которое необходимо устранить, изложив п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в следующей редакции:

«3) требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе досудебного производства».

Нарушения закона, имеющиеся на стадии возбуждения уголовного дела и не выявленные в ходе ведомственного контроля, устраняются обычно прокурором, осуществляющим надзор. При этом прокурор должен быть наделен полномочиями, направленными не только на устранение нарушений закона, но и на их выявление и предупреждение, поскольку следственные ошибки важно вовремя устранить, и чем раньше, тем лучше.

С.В. Супрун, верно отмечая, что прежде чем устранить следственную ошибку, ее необходимо обнаружить при осуществлении надзора, при этом в качестве эффективного надзорного средства такого обнаружения называет письменный запрос, право требования прокурором которого от

должностных лиц предварительного расследования и граждан якобы содержится в ч. 4 ст. 21 УПК РФ. Это право прокурора, по мнению автора, может быть реализовано на всех стадиях уголовного процесса, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела. Прокурор в форме запроса может требовать у руководителя следственного органа, начальника органа дознания или начальника подразделения дознания материалы расследуемого уголовного дела либо предварительной проверки сообщения о преступлении с целью ознакомления с их содержанием, выявлением ошибок и незаконных решений [7, с. 48].

Такое толкование С.В. Супруном положений нормы ч. 4 ст. 21 УПК РФ является в корне ошибочным, поскольку, согласно указанной норме, требования, поручения и запросы прокурора (в числе других участников уголовного процесса со стороны обвинения), предъявляемые в пределах его полномочий, установленных УПК РФ, являются средством осуществления уголовного преследования. Эти требования и запросы обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, как государственными, муниципальными, так и частными (независимо от форм собственности и управления), а также должностными лицами и гражданами, но не распространяются на органы дознания и предварительного следствия и должностных лиц этих органов.

Однако мнение указанного автора по поводу того, что право прокурора на ознакомление как с материалами уголовного дела, так и с материалами предварительной проверки сообщения о преступлении, должно быть закреплено в законе в качестве полномочия прокурора, является справедливым. Отсутствие в законе положения о таком полномочии прокурора представляется упущением законодателя.

Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в ст. 37 УПК РФ введена часть 2.1, согласно которой по мотивированному письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность

ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела [8].

По мнению Б.Т. Безлепкина, комментирующего указанное положение закона, право прокурора знакомиться с материалами уголовного дела означает, что в ответ на его мотивированный запрос в адрес соответствующего руководителя следственного органа прокурору на его рабочее место, в его распоряжение, на время, необходимое ему, должны быть незамедлительно любым способом предоставлены все надлежащим образом оформленные материалы следственного производства. Такая трактовка этих отношений вытекает из того факта, что прокуратура – орган надзора, а следственный орган, независимо от его ведомственной принадлежности, – поднадзорный [9, с. 66].

Представляется, что в приведенном комментарии желаемое (и должное) выдается за действительное. Во-первых, формулировка комментируемой нормы позволяет заключить, что прокурор имеет только возможность, но не право ознакомиться с материалами уголовного дела. Как известно, возможность – это только потенциальная действительность, которая может и не реализоваться.

Во-вторых, для того чтобы иметь эту возможность, прокурору необходимо мотивировать запрос, который адресатом может быть оценен как недостаточно мотивированный и не будет принят к исполнению.

Следует отметить, что до введения в уголовно-процессуальный закон нормы ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ понятие «мотивированное» употреблялось в законе лишь в двух случаях:

1) как качественная характеристика определений и постановлений, отражающая обязательное свойство принимаемых решений властных субъектов, которые по определению должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 7 УПК РФ),

2) в отношении ходатайства, то есть официальной просьбы участника процесса, которая должна быть обоснованной.

Поскольку запрос прокурора не является решением, то требование о его мотивированности ставит прокурора в положение просителя, что явно не согласуется с тем фактом, «что прокуратура – орган надзора, а следственный орган, независимо от его ведомственной принадлежности, – поднадзорный» [9, с. 66].

Кроме этого, как верно указывает В.П. Божьев, законодателем не учтено, что прокурор может получить жалобу (или иной сигнал) в такой форме и по такому поводу, что преждевременное уведомление о нем в «мотивированном запросе» сделает бессмысленным в дальнейшем не только ознакомление с делом, но и вообще проведение каких-либо процессуальных и иных действий. Более того, допуск прокурора к ознакомлению с материалами уголовного дела по запросу равносителен осуществлению надзора с согласия поднадзорного [10, с. 30].

В-третьих, данная норма не содержит даже возможности для прокурора ознакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении, что не позволяет прокурору в полной мере реализовывать полномочие, предусмотренное п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, – проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях.

В отличие от прокурора, руководитель следственного органа уполномочен проверять материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Представляется, что такое законодательное решение является необоснованным и недопустимым, поскольку проверять материалы проверки сообщений о преступлении – объективно необходимое право прокурора для осуществления своевременного и эффективного надзора на стадии возбуждения уголовного дела и оперативного реагирования на допущенные нарушения. Полагаем, что надзорные полномочия прокурора были урезаны законодателем именно там, где они более всего необходимы.

В связи с этим предлагаем изменить содержание нормы ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ,

во-первых, исключив из нее понятие «мотивированный запрос», и, во-вторых, добавив объективно необходимое прокурору право ознакомления с материалами проверки сообщения о преступлении, изложив эту норму аналогично норме п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ:

«2.1. Проверять материалы проверки сообщения о преступлении и материалы уголовного дела».

Кроме этого, неоднозначное толкование возможно при применении положений норм ч. 4 ст. 146 и ч. 6 ст. 148 УПК РФ во взаимосвязи с п. 6 ч. 2 ст. 37 и ч. 4 ст. 39 УПК РФ. Указанные нормы не позволяют дать однозначный ответ на взаимообусловленные вопросы: 1) имеет ли право прокурор отменять незаконные и необоснованные постановления следователя и 2) имеет ли руководитель следственного органа право вынести мотивированное постановление о несогласии с требованиями прокурора в случае, если речь идет о постановлениях прокурора об отмене незаконных и необоснованных постановлений органа предварительного следствия о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела.

Во-первых, согласно п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен отменять только незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора и дознавателя. Из содержания данной нормы следует, что ч. 4 ст. 146 и ч. 6 ст. 148 УПК РФ являются исключением из указанного положения. Значит, необходимо законодательное закрепление этого исключения в ст. 37 УПК РФ, закрепляющей полномочия прокурора.

Во-вторых, согласно ч. 4 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа рассматривает в срок не позднее 5 суток требования прокурора об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя и устранении иных нарушений федерального законодательства в ходе досудебного производства (а значит, и в стадии возбуждения уголовного дела). При этом одним из возможных решений руководителя следственного органа может быть вынесение мотивированного поста-

новления о несогласии с требованиями прокурора. Все без исключения акты прокурорского реагирования содержат в себе требование соблюдать закон или восстановить законность, в том числе и постановления, поскольку главным содержанием прокурорского надзора является реагирование на нарушение законности. В связи с этим и возникает неопределенность в ответе на вопрос о том, распространяется ли право руководителя следственного органа на вынесение мотивированного постановления о несогласии с требованиями прокурора, если речь идет о требовании прокурора, содержащемся в постановлении об отмене постановлений следователя о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела. Действующий закон исключает возможность однозначного толкования указанных норм.

Кроме этого, как справедливо отмечает А.П. Кругликов, неисполнение постановления прокурора (содержащегося в нем решения) означает фактическую его отмену, на что полномочий у следователя и руководителя следственного органа нет. Пунктом 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ установлено, что в ходе досудебного производства по уголовному делу отменять незаконные и необоснованные постановления прокурора может только вышестоящий прокурор [5, с. 13].

При наделении руководителя следственного органа правом оспаривать требования прокурора законодателем не учтен исторический опыт. Так, по Судебным уставам 1864 года следователь не вправе был обсуждать обоснованность требований прокурора, при этом в объяснениях к ст. 282 Устава уголовного судопроизводства подробно мотивировалась причина этого: «Если предоставить Следователю, по его собственному усмотрению, отказывать в исполнении требований Прокурора, то нельзя не опасаться, что между этими двумя лицами будут весьма часто возникать столкновения и пререкания, которые расплодят переписку без всякой пользы для правосудия, усложнят производство и затруднят не только Следователя и Прокурора, но и самый Суд, а главное, будут

иметь неизбежным следствием несвоевременность следственных действий и утрату следов преступления» [11, с. 210]. Следует признать, что в настоящее время имеет место прогнозирувавшаяся составителями судебных уставов 1864 г. ситуация между прокурором и органами предварительного следствия.

В связи с этим считаем, что наделение руководителя следственного органа правом вынесения постановления о несогласии с требованиями прокурора превышает его полномочия, не может и не должно быть отнесено к его компетенции. Указанное положение необходимо исключить из содержания п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. При этом представляется возможным устранить противоречия в правовых отношениях между руководителем следственного органа и прокурором, предоставив первому право в указанных случаях несогласия с требованиями прокурора обжаловать их вышестоящему прокурору.

Правом обжалования с согласия руководителя следственного органа решения прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела наделен и следователь (п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ в ред. Федерального закона от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ). В связи с этим И.И. Ахматов, ссылаясь на юридические, социальные и психологические закономерности, отмечает, что процедура разрешения конфликта между следователем и прокурором выгодна для прокурора, отменившего решение следователя на стадии возбуждения уголовного дела. По мнению ученого, нередко вышестоящее должностное лицо прокуратуры, рассматривающее жалобу следователя, из соображений приращения показателей профессиональной деятельности и в атмосфере ведомственного протектората склонно поддерживать позицию своих коллег, отстаивать интересы подчиненных должностных лиц, тем более с учетом весьма радикальной установки абз. 3 п. 4 приказа Генеральной прокуратуры РФ «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействия) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и проку-

рора» от 1 ноября 2011 г. № 373: «принципиально отстаивать занятую позицию и отменять незаконные или необоснованные постановления в порядке, установленном УПК РФ». Следователю же, осознающему бесперспективность обжалования вышестоящему прокурору соответствующих решений субъекта, осуществляющего надзор, остается только смириться с волеизъявлением управомоченного на основании ч. 4 ст. 146, ч. 6 ст. 148 УПК РФ прокурора [12, с. 181].

Представляется, что приведенное утверждение не вполне обоснованно, поскольку «принципиально отстаивать занятую позицию» не означает, что отстаиванию подлежит именно позиция нижестоящего прокурора. Речь в данном случае должна идти, безусловно, о собственной позиции оценивающего субъекта. Тем не менее нельзя исключить ситуацию, приведенную И.И. Ахматовым. Но, во-первых, авторитет деятельности прокурора заключается в юридической и фактической обоснованности его действий. И, во-вторых, как верно отмечают А. Соловьев и М. Токарева, недостатки правоприменения, обусловленные ненадлежащим исполнением отдельными прокурорскими работниками возложенных на них обязанностей, не могут служить аргументом для критики законодательства [13, с. 103].

Следует отметить, что на учете эмпирических закономерностей корпоративной психологии основаны также и выводы ученых, которые, не отрицая положительную роль руководителя следственного органа в повышении качества предварительного следствия, считают, что при определении места этого участника процесса в системе гарантий законности нельзя оставить без внимания то, что он прямо заинтересован в положительной оценке качества работы подчиненных следователей. От ее оценки самым непосредственным образом зависит оценка его собственной работы [13, с. 100]. В связи с этим не вызывает сомнения тот факт, что оценка как места и роли участников уголовного процесса в системе гарантий законности, так и законодательной регламентации правоотношений меж-

ду ними, всегда зависит от того, с позиции какого субъекта уголовно-процессуальных отношений она производится.

По справедливому утверждению В.П. Божьева, прокурор, руководитель следственного органа, следователь представляют в уголовном процессе одну сторону – сторону обвинения. По этой причине важно прежде всего обеспечить их единство, взаимодействие, ответственность, а не «внутреннюю состязательность» [10, с. 30]. При этом, как, без сомнения, правильно отмечает А. Барабаш, «когда на разные органы возлагается реализация одних и тех же задач, ответственность размывается, и вместо усиления гарантий можно получить обратный результат» [14, с. 6].

Как представляется, водораздел между полномочиями прокурора и руководителя следственного органа лежит в сфере целевой направленности их деятельности. Целью ведомственного контроля, осуществляемого руководителем следственного органа, является максимально эффективное, результативное и целесообразное обеспечение неотвратимости уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. Цель деятельности прокурора – надзор за точным и своевременным исполнением закона, даже в ущерб эффективности осуществляемой поднадзорными органами процессуальной деятельности по расследованию преступлений.

Полагаем, что произошедшее перераспределение полномочий по руководству процессуальной деятельностью следователей от прокурора к руководителю следственного органа является правильным. Прокурор не должен без необходимости подменять руководителя следственного органа и брать на себя обязанности по процессуальному руководству, поскольку это ведет к распылению сил и препятствует осуществлению основного предназначения прокурора – надзора за законностью. Руководитель следственного органа, в свою очередь, не должен обладать надзорными полномочиями, вторгаясь в сферу деятельности прокурора, поскольку сфера его ответственности – обеспечение качественной и эффективной работы подчиненного ему

следственного органа. Решения, принимаемые прокурором при проверке законности деятельности следователя, не зависят от ведомственных интересов, а направлены на устранение допущенных нарушений, на обеспечение законности. Прокурор должен обладать большими властными полномочиями по отношению к руководителю следственного органа, поскольку решения, принимаемые следователем, фактически принимаются под контролем руководителя [15, с. 23].

В настоящее время приходится констатировать тот факт, что полномочия, предоставленные прокурору, не позволяют ему своевременно и эффективно достигать целей обеспечения законности, поскольку принятые законодательные решения значительно сократили возможности прокурора реагировать на нарушение закона. Эффективных механизмов устранения процессуальных разногласий между прокурором, с одной стороны, и следователем и руководителем следственного органа – с другой, в действующем уголовно-процессуальном законе практически нет. В связи с этим следует признать правомерным мнение ученых, считающих необходимым сокращение процессуальных полномочий руководителя следственного органа и возвращение права отменять постановления следователя прокурору, как лицу, не входящему в должностную иерархию следственных органов и оценивающему решение следователя только с позиции закона, а не с позиции ведомственных интересов [16, с. 10].

Прокурор должен быть наделен правом отменять все постановления следователя без обращения к полномочиям поднадзорных органов и их ведомственному руководству с требованием принять соответствующие меры. При этом именно стадия возбуждения уголовного дела в силу своей специфики, связанной с необходимостью принятия решения в жестко ограниченные законом сроки, нуждается в наличии столь же незамедлительного прокурорского реагирования на допускаемые на этой стадии нарушения закона.

1. Мясников И. Вызывает недоумение (...законодатель коренным образом перекроил организацию всего досудебного производства) // Законность. 2010. № 2. С. 41-42.
2. Бушковская Е.Н. Надзор прокурора за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.
3. Кругликов А.П. Проблемы процессуальных отношений прокурора со следователем и руководителем следственного органа // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 28-31.
4. Химичева Г.П., Химичева О.В. Возбуждение уголовного дела: противоречия в правовой регламентации // Закон. 2009. № 1. С. 45-52.
5. Кругликов А. Полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и осуществлению уголовного преследования // Законность. 2012. № 1. С. 12-16.
6. Буянский С.Г. Прокуратура и судебная власть: статус и соотношение компетенций // Российский судья. 2005. № 5. С. 25-29.
7. Супрун С.В. Прокурорский надзор и ведомственный контроль: соотношение и перспективы развития // Российская юстиция. 2011. № 1. С. 46-48.
8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 2 дек. 2008 г. № 226-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 49. Ст. 5724.
9. Безлепкина Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу (постатейный). 10-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 704 с.
10. Божьев В.П. О властных субъектах уголовного процесса в досудебном производстве // Российский следователь. 2009. № 15. С. 29-31.
11. Цит. по: Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство: в 3 т. Т. 1. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1866. 352 с.
12. Ахматов И.И. Некоторые предложения о совершенствовании модели уголовно-процессуальных отношений на стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы права. 2012. № 7 (38). С. 177-183.
13. Соловьев А., Токарева М. Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2011. № 4. С. 98-104.
14. Барабаш А. Прокурорский надзор за предварительным следствием: возвращение к основам // Законность. 2011. № 4. С. 5-10.
15. Татьяна Л.Г. Уголовно-процессуальные правоотношения прокурора и руководителя следственного органа: проблемы и пути их решения // Уголовное судопроизводство. 2010. № 1. С. 21-23.
16. Ткачев И.В. Современные проблемы реформирования досудебного производства в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 29 с.